Редактор страницы: Ирина Клепикова
Тел: +7 (343) 375-85-45
E-mail: klepikova@oblgazeta.ru

Дебют под северным сиянием

Зачем кандидат медицинских наук врач-нейрофизиолог Светлана Лаврова пишет сказки?

Ирина КЛЕПИКОВА

...Давняя-давняя встреча. Волга. Лето. Теплоход. И – спонтанно возникший на палубе разговор. Женщина – тоже с Урала, тоже – екатеринбурженка. Врач (абсолютно неведомой для непосвящённого специальности), а ещё – пишет детские книги. «О, – мелькнуло тут же, – не из графоманов ли?! Мягко выражаясь, редкий человек, отстояв дежурство в больнице, добровольно наденет на себя вериги писателя...». Она и была редким человеком. Пару лет спустя, читая младшей дочери книжку, под обложкой узнаю знакомое лицо, запомнившийся прищур глаз. Светлана Лаврова. Детский писатель, а ещё – врач-нейрофизиолог.

Интервью же состоялось больше, чем через 15 лет после того.

–Светлана, как коллеги-медики относятся к тому, что вы ещё и детский писатель?

–Они долго не знали. Я скрывала (пока не получила первую премию) именно потому, что не предполагала, как они к этому отнесутся. Боялась зря: отнеслись объективно. Коллеги ценят меня как специалиста в функциональной диагностике, и неважно, чем я занимаюсь в свободное время: картины пишу или в балете танцую.

–Первый раз наше интервью не состоялось, поскольку вас вызвали на операцию и длилась она аж семь часов. Сложно даже представить...

–Это ещё мало! Рекорд – когда я встала на операцию в 10 часов утра, а закончили мы её в час ночи. Но мы же не аппендицит вырезаем – при всём уважении к этой сфере. Наши операции элитарные, сложнейшие, всё – под микроскопом.

–А чем занят на операции врач-нейрофизиолог, если (судя по фотографии) вы стоите в стороне от операционного стола?

–Зависит от самой операции. Например, удаляется опухоль спинного мозга. На голову, в проекцию зоны руки или ноги, ставятся стимулирующие электроды. Хирург удаляет, а я смотрю на электрические сигналы. Сигнал проходит весь позвоночник, доходит до рук и ног – в ответ мышца сокращается. Если амплитуда сигналов одинаковая – всё хорошо. Как только амплитуда падает – начинаю пугаться и «пугаю» хирурга. Тогда он принимает какое-то решение...

–Значит, ваша задача – чтобы на операции не сделали того, чего не надо?

–Одна из задач. Вторая (уж не обессудьте за терминологию) – идентификация структур нервной системы. Когда хирург заходит на операционное поле – там же ничего не подписано. Предположим, надо обойти какой-то нерв (к некоторым даже прикасаться нежелательно, например – лицевому, перекосит всё лицо). Если хирург начнёт его задевать – у меня на экране идут вспышки. О, говорю, это лицевой, подальше от него, пожалуйста...

Другой случай: часто убирается не только опухоль, с помощью электродов определяется состояние перифокальной мозговой ткани... Слушайте (*улыбается*), я могу долго про это говорить.

–А я слушаю и думаю: столько терминов, что когда-то, выбирая профессию, вы же не могли хотеть заниматься именно этим? В детском и юношеском представлении врач – это «Откройте рот, покажите язык».

–Так и я была вначале тихим педиатром, куда пошла из «идейных» соображений – мне всегда было интересней с детьми. (Как, кстати, сейчас – в литературе). Пока однажды (а я уже была беременна вторым ребёнком) муж не сказал: «Ты вечно на дежурствах, вечно переживаешь за своих младенцев, да ещё – инфекции. Давай выберем что-нибудь поспокойнее...».

Выучилась на врача функциональной диагностики. Тихо, спокойно. Сидишь, расшифровываешь энцефалограммы. И тут мне позвонила моя учительница, которую я с тех пор называю крёстной мамой, – Наталья Юрьевна Перунова, доктор медицинских наук. «Света, не хочешь поработать в нейрохирургии? Набирают штат в новый нейрохирургический центр. Я бы тебя к себе взяла». «Хочу, – говорю, – но почему я?». «Потому что когда я читаю твои заключения – я вижу картинку».

–Вот как, значит, литературный дар пригодился?

–Ну да (*смеётся*). Так я пришла в нейрохирургию, а тогда в Екатеринбурге мониторингом во время операций не занимался никто. Вообще! И не только в Екатеринбурге. Вот недавно в Сургут приглашали показать, как это делается. Только-только появляются специалисты в Тюмени...

–Слушайте, рассказывая о профессии, вы всё время показываете на себе. Не боитесь? Есть же суеверие...

–На себе проще показать. А потом у медиков нет таких суеверий. У нас есть реальные страхи и риски. Можно заразиться на операции – СПИД, гепатит. Поэтому – особые костюмы, особые перчатки.

–Тогда ещё – из банальных представлений пациентов о медиках. Поскольку они – люди, осведомлённые в факторах здоровья и нездоровья, они не должны болеть?

–Ключевая фраза у вас в самом начале: «Медики – это люди». Та же биологическая система. И болеют врачи достаточно много: во-первых, совершенно не берегутся, во-вторых – всегда некогда (поесть, например, а значит, гарантированы болезни желудочно-кишечного тракта), в-третьих – медицина часто связана с фиксированным положением. Например, хирург у меня вчера вот в такой позе (*показывает*) за микроскопом был с 10 до 14 часов. То есть в перспективе – остеохондроз. Всё – наше профессиональное. К тому же мы не любим лечиться! К коллегам – только когда припрёт, по тому же принципу: «Ой, ладно, само рассосётся».

–И всё же онкология, в которой вы работаете, – сфера в медицине особая. «Не рассасывается», а поражает исподволь. И больной мучается вопросом: за что?

–Хуже нет, когда пациент расценивает болезнь как наказание. Неправильно! Мы все не ангелы. Каждый, начни он копаться в себе, найдёт – за что? И тогда начинает думать: «Поделом!». А это – снижение внутренней установки на победу, на выздоровление. Никогда не вру пациентам, но... есть же и случаи спонтанного выздоровления, чего даже мы, медики, не ожидали. Поэтому установка на победу – в любом случае! Беда только – наша медицина сегодня больше зависит не от квалификации хирурга, а от организации медицинского дела, чем – и это не секрет – заняты не самые талантливые люди. Талантливые идут лечить.

–Но вот вы дважды талантливы. И врач, и писатель. Да ещё детский. Это что же, после операции – за сказку?

–Нет, после операции невозможно. И даже – в тот же день. Вообще, сказки долго вынашиваются. Последнюю, например, «Привидений почти не бывает» писала месяца два. А до этого – с апреля обдумывала, с ноября планы составляла, что-то проговаривала. Пишу обычно в выходные. Ночами реже – к вечеру очень устаю. Но когда сказка дописывается – там уже невозможно остановиться. Едешь в маршрутке – в голове текст. Прибегаешь после врачебной линейки – можешь быстро что-то набросать. Как зомби. Треть последней сказки я написала за два дня! Текст сам шёл – только успевай записывать.

–Банальный вопрос – как вообще открыли в себе этот дар? По слухам, это случилось на Кольском полуострове, в полярную ночь, под северное сияние...

–Всю жизнь сочиняла сказки. Вокруг меня всегда вилась какая-нибудь «мелочь», которая дергала за юбку: «Света, расскажи сказку!». Рассказывала. А записывать начала, когда мы с мужем оказались на Крайнем Севере, в военном городке (его взяли в армию как лейтенанта военной службы). Дитю было два года, сплошные хозяйственные заботы, скучно... Муж, умный человек, посоветовал: «Чем страдать, писала бы лучше сказки».

ЛИЧНЫЙ АРХИВ СВЕТЛАНЫ ЛАВРОВОЙ

Светлана Лаврова: «Но книг по медицине я не пишу. Стараюсь не смешивать две жизни»

И я их писала. Десять лет! В тетрадках в клеточку, печатными буквами. Сама рисовала картинки. И эти мамины книжки мои дочери (потом и вторая родилась) любили больше, чем что бы то ни было. Как-то одну из книжек взяла почитать подружка-соседка. Читает и хохочет. Проходивший мимо муж поинтересовался, над чем это, а когда узнал – предложил отдать в издательство. Отдали, а там взяли и... напечатали. Полиграфически жуткое было издание, на газетной бумаге, но эта книжка – получается, абсолютно судьбоносно – попала в руки Ольги Колпаковой, которая теперь – председатель Содружества детских писателей. Оля сама набрала (у меня и компьютера-то не было) мою книжку «Пираты настольного моря» и отправила в издательство «Дрофа». Там её сразу напечатали и сказали: «Дайте ещё!».

–Сегодня, если не врёт Интернет, у вас больше 40 книг?

–Врёт. Уже больше 60-ти. Тех, что вышли. Написано ещё около 30.

–Ничего себе! Получается, легко пишете? А говорили: долго обдумываете...

–Есть книги и... книги. Многие написаны по заказу издательства «Белый город» – я уважаю эти «познавалки», рада, что получилось с ними поработать, они меня финансово очень выручили в тяжёлые 1900-2000 годы. Это пишется легко. Правда, после того, как обложишься тридцатью книгами по теме, выберешь какую-то интересную форму... А сказки – вымучиваются, вынашиваются. Рождаются.

–А как рождаются сюжеты?

–Самая известная моя «Кошка до вторника» родилась из звонка подруги, которая сказала: «Мы уезжаем на выходные, и надо нашу кошку пристроить до вторника». Мне понравилось выражение «Кошка до вторника», а к названию потом приросла вся сказка. Давно хотелось написать сказку не по канонам, а «засунуть» туда много детей, много приключений. Поразвлекаться. Пусть даже и не напечатают. Но, как ни странно (*улыбается*), – не только напечатали, за неё «Заветную мечту» дали.

Вообще, сюжеты, как микробы, роятся повсюду. «Остров, которого нет» – это путешествие в Грецию, на острова Крит и Санторин. «Привидений почти не бывает» – это мы с друзьями съездили в Прагу. «Куда скачет петушиная лошадь» – поездка в Сыктывкар, на фестиваль писателей Коми и Урала, плюс поездка в Соликамск, Усолье, Чердынь, Вильгорт... Получилась сказка. В Италию съездила – получилось три сказки.

–Записываете свои впечатления? Ведёте писательские записные книжки?

–Надо бы, но – увы. Знаю, что полезно. Вижу, что коллеги их ведут. Я как-то попыталась записывать, но потом (*смеётся*) не помню, куда положила записную книжку.

Зато когда в третий раз приехала в Ирбит, зная, что здесь будут происходить события очередной сказки и где-то надо поселить героя, – мы просто реально пошли по городу искать это место. Когда нашли, я в блокнотике зарисовала все дома, сделала ссылки из книги «Ирбит и его окрестности». Хотя будет опять же сказка.

Я человек методичный, заразилась этим от моих пациентов, которые больны эпилепсией. У болезни есть полезный симптом – складывается такой тип мышления, когда всё разложено по полочкам. Вот и я теперь: когда пишу, вокруг – карты, справочники. В «Когда спящие проснутся» (про Атлантиду) выверяла всё, вплоть до изображения ласточек на кувшине, что стоит на столе у героев. Такой кувшин находится в музее на острове Фера. Очень боялась развесистой клюквы.

–Света, давно замечено – ваши принцы и принцессы напоминают современных мальчишек и девчонок. И – характерная фраза из вашего «Замка между мирами»: «Королю скучать не приходилось: то огнедышащий дракон в замок забредёт, то пьяный сантехник...».

–Не властны мы в самих себе. Что пишется, то пишется. Когда я учу своих дочерей, что надо жить в реальном мире, они смеются: «А сама-то?!». А у «самой-то» ощущение, что все принцы и короли – они рядом ходят. Например, семь богатырей в последней моей сказке – это мои анестезиологи. Имена другие. Скучно было бы писать чисто сказочно.

Для многих людей сказочное и реальное существуют рядом в жизни. Прежде всего – для детей, конечно. Но и взрослые... Кто бы возражал, если б появился вдруг прекрасный принц? Никто! Потому что все мы – из детства.

–Женщина, приходя домой, встаёт к плите. А вас ждут сказки... Когда же бытом занимаетесь?

–А у нас четыре женщины в семье. Я, две мои дочери и бабушка. Готовить любят все, так что с приготовлением обеда проблем не бывает. (Кстати, под готовку, когда ты одна на кухне, хорошо обдумываются сказки – процесс творческий, но заняты другие части мозга). Уборку мы меньше любим, но нас много. Всё делается. А бабушка дома – это вообще то, о чём мечтает каждая работающая женщина, несмотря на то, что мои дети уже большие. Но ведь они были и маленькими.

–Когда мама – детский писатель, можно предположить: проблемы «отцов и детей» в семье не было?

–Пока нет. У меня потрясающие дочери. Они мне очень нравятся. Прежде всего – тем (*смеётся*), что они мои. Я с семи лет мечтала иметь детей! Думала: «Мамочка мне сестричку-братишку не родила, а я-то уж...». Приятно иметь в доме людей, которые тебя понимают. Пока пишется книжка, я им что-то читаю из неё. Если не смеются – иду переделывать. А они (и муж тоже) идеи подают. И, вообще, дочери уже и сами роман пишут.

–Вдвоём, что ли?

–Они все делают вдвоём. Они дайсё. Это пара японских мечей, которые сделаны одним мастером в одном стиле. Один, катана, – побольше, другой, вакидзаси – поменьше. У Леси и Стаси разница в шесть лет и два дня. Но они очень дружны. Сейчас их меньше интересует, что пишу я. Они совершенно потрясены тем, что пишут сами. Я читала начало (всё обещали дать, когда «вылижут» текст) – мне понравилось. Пристойная вещь. Экологическое фэнтези. И дико смешно, что – редко. С юмором пишут немногие.

–Судя по всему, вы мама нестрогая. Неужели ничего детям не запрещали?

–Я мама «посередине». Не очень строгая, потому что меня саму в детстве держали в строгости, и я помню, что мне это не очень нравилось... Но моим детям и не нужна особая строгость. Они никогда ничего не «выпрашивали». Знали: есть деньги – я куплю, если нет, то... их просто нет.

А самым страшным наказанием для дочерей было – «Не разрешу два дня читать» (у обеих – плохое зрение). Семья-то читающая. У старшей дочери в шесть-семь лет любимой книгой была «Отравление в детском возрасте». Медицинские книжки стояли вперемешку с художественными, вот она и выбрала, что было по душе.

–Сегодня «по душе» у детей – вообще не читать...

–Знаю. Все говорят: «Дети ужасны, ничего не читают». Не вижу я этого! Понимаю, что в этом смысле я в достаточно стерильных условиях. Моё общение – либо нейрохирурги (элита медицинская), либо писатели. Дети у них, естественно, тоже читающие. А по писательским делам, Содружеству детских писателей я общаюсь с детьми, которые приходят в библиотеку. Стало быть, тянутся к чему? Опять же – к книгам.

А вообще-то помню, как и нас в школе воспитывали: «Что вы за дети?! В классе только двое читают. Остальные у телека просиживают». Сегодня в этой фразе «телек» поменялся на «компьютер». В остальном – те же претензии. Я не согласна. Знаю, многие будут возражать, но моя точка зрения – дети ХОРОШИЕ! Не ангелочки. Ну, так и среди взрослых не все – ангелы. И взрослые «кучкуются» по интересам.

–Как, например, вы в Содружестве детских писателей?

–Создав его, мы узаконили дружеские отношения единомышленников (Ольга Колпакова, Андрей Щупов, Александр Папченко, я, теперь и другие писатели присоединяются). А ещё рассчитывали: если официально объединиться, то, возможно, это ещё и поможет. Реально, оказалось, можем пока немного. Против нас те, у кого деньги, у кого власть. Мы им неудобны – всё время чего-то требуем: например – денег на премию Крапивина. А ещё мы ездим по стране и рассказываем о книжках. Детям. По три-четыре встречи в день. Что касается нас самих, то выяснилось: писатели России очень разобщены. В Москве ещё иногда выходят книги, а провинция страдает. Но! Россия всегда была сильна провинцией. Сейчас читаем произведения, присланные на премию Крапивина, – очень талантливые люди в разных городах. Мы их раньше даже не знали. Теперь – знаем. Надо помогать...

–Света, сколько раз, и в разных ситуациях, ни пересекалась с вами – вижу вас исключительно позитивно настроенной. Что же за «батарейка» в вас такая, ведь, полагаю, и вы не без проблем живёте?

–Куча проблем, забот, усталости. А жизнерадостность? Эндорфинов много вырабатывается. «Гормонов радости». С этим либо рождаешься (если повезёт), либо надо дружить с такими людьми. Моя медсестра, например, отмечает «положительное влияние меня на неё». Когда она начала писать стихи, её родня удивилась: «.Халида, в кого это ты?». «Не поверите, – говорит она, – в Светлану Аркадьевну».

–Совет жизнерадостного человека (врача, детского писателя, мамы) – как быть счастливым?

–Счастье – понятие индивидуальное. То, что для меня счастье, для вас неприемлемо. И наоборот. Вряд ли вы были бы счастливы входить в операционную. А я каждый день с восторгом бегу на работу. И расстраиваюсь, если меня не вызывают из отпуска: «Это что же, я уже не нужна?..».

ЛИЧНЫЙ АРХИВ СВЕТЛАНЫ ЛАВРОВОЙ

Светлана Лаврова – автор более 45 печатных работ и 4 патентов по специальности

ДОСЬЕ «ОГ»

Светлана Аркадьевна ЛАВРОВА

Родилась в 1964 г. в Екатеринбурге.

В 1987 г. окончила Свердловский медицинский институт (педиатрический факультет) с красным дипломом.

Работала в детской поликлинике, с 1991 г. – нейрофизиолог Межтерриториального нейрохирургического центра им. Д.Шефера (онкологический центр). Кандидат медицинских наук, диссертация на тему «Электрофизиологические критерии прогноза стереотаксической хирургии эпилепсии».

Печатается с 1997 г. Вела постоянные рубрики в журналах «Ёжик», «Летучий кораблик» (Екатеринбург), «Кукумбер» (Москва), «Костёр», «Жили – были» (Санкт-Петербург).

Автор книжных серий «Энциклопедия тайн и загадок», «Детский исторический роман», «Читаем сами» и других.

В 2005 г. за книгу «Требуется гувернантка для детей волшебника» получила премию «Алиса» в Москве и «Камертон» в Екатеринбурге.

В 2007 г. за книгу «Кошка до вторника» получила национальную премию «Заветная мечта» в области детской литературы в номинации «За самое смешное произведение».

Замужем. Муж Андрей – врач-вертебролог. Две дочери.

Блиц-опрос

–Если утром встали с левой ноги, как приводите себя в чувство?

–Я каждое утро встаю с левой ноги – у меня кровать так расположена.

–Согласились бы сняться в рекламе стирального порошка?

–Нет, я очень не люблю стирать.

–Как деловая, многозанятая женщина пользуетесь ли ежедневником?

–Да, есть расписание на месяц по дням, есть – на каждый день. А ещё у меня «напоминалки» повсюду висят.

–Любимая одежда?

–Летняя. Сарафаны.

–В качество чтения предпочтительнее стихи или проза?

–Проза.

–Самый памятный подарок на 8 Марта?

–40 тюбиков зубной пасты, которые подарил мне Андрей, тогда ещё жених. Подруга, узнав, ахнула: «Это что, намёк на то, что ты зубы не чистишь?». Просто в то время всё было дефицитом.

–Кумир из числа женщин?

–Моя мамуля. Доброта, самоотверженность, безотказность, невероятная мудрость – это всё она.

–Чтобы успеть всё, что хочется сделать, сколько часов в сутки вам надо было бы?

–Да я не в претензии к тем, кто сделал 24 часа. В общем, всё успеваю. Я быстрая. Разве что ещё бы полчаса...

ЛИЧНЫЙ АРХИВ СВЕТЛАНЫ ЛАВРОВОЙ

«Сказочное и реальное для многих вообще рядом существуют». Это она знала с детства

–Есть ли в доме на подоконниках цветы? Какие?

–Никаких. Их съедает кот Касьян.

–Сколько времени в день проводите у телевизора?

–Ноль. Только когда идёт чемпионат мира по фигурному катанию – смотрю с детьми. Во-первых, нравится смотреть, во-вторых – они очень смешно комментируют.

–Если в трамвае или магазине вас, не дай Бог, оскорбили – смолчите? Ответите? Попробуете вразумить?

–Промолчу. Очень огорчусь. День будет испорчен.

–О политической жизни узнаёте – по передачам ТВ? Из газет?

–Мне рассказывают мамочка и мои анестезиологи. Мама – дома, коллеги – на операции. Причём у них противоположные политические взгляды, поэтому я имею достаточно объективную картину.

–На выбор – кресло-качалка, табурет, удобное офисное кресло? Что предпочтёте?

–Диван.

–Жизненное кредо, если таковое есть?

–«А давайте вообще умирать не будем!». Не кредо – это я сейчас придумала, но...

ЛИЧНЫЙ АРХИВ СВЕТЛАНЫ ЛАВРОВОЙ

Попробуйте определить, где тут мама, а где – дочери?